

Джоанн
Каррис

Читайте в авторской серии Джоанн Харрис

БЛАЖЕННЫЕ
ШОКОЛАД
ЕЖЕВИЧНОЕ ВИНО
ТЕМНЫЙ АНГЕЛ

Джоанн

ТЕМНЫЙ
АНГЕЛ

Харрис

ЭКСМО

Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Х 21

Joanne Harris
SLEEP, PALE SISTER

Copyright © Frogspawn Ltd 1994

Перевод с английского *Е. Костиной*
Художественное оформление *А. Саукова*

Харрис Дж.

Х 21 Темный ангел / Джоанн Харрис ; [пер. с англ. Е. Костиной]. — М. : Эксмо, 2013. — 448 с. — (Пленительный роман. Проза Джоанн Харрис).

ISBN 978-5-699-63513-9

Художник Генри Честер знал о завладевших им демонах и надеялся, что невинность и чистота Эффи спасут его. Однако его светлый ангел, его идеальная женушка оказалась обычной земной женщиной со всеми присущими ей страстями. Чтобы сохранить Эффи в непорочном состоянии, Генри заставляет ее все время спать. Но старые грехи Генри неожиданно заявляют о себе самым необычным образом. Погубленная им душа объединяется с Эффи в некий мистический союз против ханжества и убогости духа.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© **Костина Е.**, перевод на русский язык, 2012

© **Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо»**, 2013

ISBN 978-5-699-63513-9

Снова Кевину

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу поблагодарить всех, кто помог разбудить эту спящую книгу. Во-первых, Кристофера, которому она нравилась с самого начала; Серафину, Говарда и Бри; замечательного редактора Франческу и всех моих друзей из «Transworld»; Грэма Овендена за обложку, о которой я всегда мечтала; книготорговцев, которые заботились о том, чтобы мои книги постоянно были на полках, и, наконец, всех поклонников моих предыдущих романов, которые писали, жаловались, настаивали, просили и требовали, чтобы эту книгу допечатали.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мало кому хочется поднимать мертвых. Особой осторожности заслуживают мертвые книги; на каждый затерянный клад попадает сотня крышечек от молочных бутылок, ждущих, когда их откопает беспечный старатель. Вот почему за последние десять лет я привыкла воспринимать книгу «Темный ангел» («Sleep, Pale Sister») как останки ушедшего времени. Жарким летом 1993 года я дала жизнь дочери и книге. Одна выжила, другая — нет, и, с моей точки зрения, о соперничестве и речи не идет. За одну ночь мой мир изменился. Я стала другой, и внезапно мысль о публикации перестала меня волновать. К 2003 году книгу давно раскупили. Я ни разу не открыла ее после выхода, я о ней почти забыла.

Однако другие помнили. Некоторые ее прочитали, другие были книготорговцами или мо-

ими поклонниками, кому-то просто хотелось посмотреть, как автор «Шоколада» бросилась из английской готики во французское чревоугодие. Меня завалили просьбами прислать книгу. Несколько сотен экземпляров моментально разошлись на amazon.com. Моих издателей дожимали письмами с просьбой переиздать книгу. Наконец мы решили попробовать. Я слегка отредактировала исходный текст — вероятно, меньше, чем следовало, но я быстро поняла, что для хирургического вмешательства пациент слишком слаб, — и исправила несколько мелких ошибок. В процессе я, к собственному удивлению, обнаружила, что мне все еще нравится эта история и ее герои. Несмотря ни на что, моя книга не умерла, только заснула. Я рада, что она получила второй шанс.

ВСТУПЛЕНИЕ

Рукопись из наследия Генри Пола Честера
Январь 1881 года

Я смотрю на свое имя и буквы, следующие за ним, и меня наполняет безбрежная пустота. Словно этот Генри Честер, художник, дважды выставившийся в Королевской академии, вовсе не я, а лишь невнятный плод чьего-то воображения, пробка от бутылки с джином, утонченно-злым духом, что пронизывает мое существо и толкает в круговорот опасных приключений, на поиски бледного, испуганного призрака самого себя.

Мой джинн — пилюля хлорала, темная спутница моего сна, некогда ласковая, а ныне жестокая супруга. Однако мы слишком многое пережили вместе, мой джинн и я, чтобы сейчас расстаться. Мы вместе будем писать эту повесть, но как мало осталось у меня времени! Солнце опускается за горизонт, и, кажется мне,

я уже слышу, как хлопают крылья черного ангела в самом темном углу комнаты. Она терпелива, но терпение ее не бесконечно.

Бог, самый изощренный мучитель, соблаговолит дать мне чуточку времени, чтобы я дописал историю, которую возьму с собой в холодную подземную обитель — конечно, не холоднее, чем этот труп, в котором я живу, чем пустыня моей души. О, Он ревнив, этот Бог, столь безжалостны бывают лишь бессмертные. Когда я воззвал к Нему в своей мерзости и страданиях, Он улыбнулся и ответил словами, кои явлены были Моисею из неопалимой купины: «Я есмь Сущий»¹. Я есть тот, кто есть. В Его взгляде нет сострадания, нет нежности. Я не вижу в Нем ни грядущего спасения, ни грозящего наказания — лишь бесконечное равнодушие, не обещающее ничего, кроме забвения. Но как жажду я этого! Слиться с землей, чтобы даже сей всевидящий взгляд не смог меня отыскать... И все же ребенок внутри меня плачет в темноте, а мое бедное разбитое тело умоляет продлить срок... Еще чуть-чуть, еще одна сказка, еще одна игра.

И черный ангел оставляет свою косу у двери и садится рядом со мной для последней партии в карты.

Я не должен писать после заката. Ночные слова лживы и тревожны, однако именно но-

¹Исход, 3, 14. — Здесь и далее примечания редактора.

чью власть слов сильнее всего. По ночам Шехерезада плела свою тысячу и одну сказку, и каждая — дверь, в которую она ускользает снова и снова, а Смерть преследует ее по пятам, как голодный волк. Она знала власть слов. Если бы я не перестал искать идеальную женщину, мне следовало бы отправиться на поиски Шехерезады, высокой и тоненькой, с кожей цвета китайского чая. Ее глаза как ночь, она идет босиком, надменная язычница, не обремененная моралью и скромностью. И она коварна. Вновь и вновь она играет со смертью и выигрывает и меняет обличье, и каждую ночь ее жестокий муж-людоед видит новую Шехерезаду, которая утром ускользает прочь. Каждое утро он просыпается и смотрит на нее в свете солнца, тихую и бледную после ночных трудов, и клянется, что больше его не проведут. Но едва опускаются сумерки, она снова плетет паутину своих фантазий, и он думает: «Еще один раз»...

В эту ночь Шехерезадой буду я.

ОТШЕЛЬНИК¹

1

Не смотрите на меня так — это невыносимо! Вы думаете, как сильно я изменился. На картине вы видите молодого человека, у него чистый бледный лоб, темные кудри, спокойные глаза. И вы спрашиваете себя: неужели он — это я? Надменно выпяченная челюсть, высокие скулы, длинные тонкие пальцы будто намекают на таинственных экзотических предков, хотя потомок, несомненно, англичанин. Таким я был в тридцать девять — смотрите внимательно и запоминайте... Я мог бы быть кем-то из вас.

Мой отец был сельским священником в Оксфорде, мать — дочерью богатого оксфордширского землевладельца. Детство мое шло в

¹ Карта Таро, в правильном положении означающая мудрость, рассудительность, опыт; в перевернутом — тоску, одиночество, символизирует необдуманные поступки.

беззаботном идиллическом уединении. Я помню, как пел в церковном хоре по воскресеньям, и цветной свет дождем из лепестков лился сквозь витражи на белые одежды хористов...

Черный ангел — она, кажется, слегка шевельнулась, и в ее глазах мне чудится взгляд безжалостного, всепонимающего Бога. Не время теперь тосковать по несуществующему прошлому, Генри Пол Честер. Он ждет от тебя правды, а не вымысла. Бога хочешь одурачить?

Как нелепо, что меня до сих пор тянет обманывать. Меня, жившего только во лжи больше сорока лет. Правда — горькая настойка, как не хочется откупоривать ее в эту последнюю встречу. И все же я есмь сущий. Я впервые осмелился присвоить Божьи слова. Это не приукрашенная байка. Таков Генри Честер. Судите меня, если хотите. Я есть тот, кто есть.

Не было, разумеется, никакого идиллического детства. Ранних лет в памяти не осталось, воспоминания начинаются лет с семи-восьми — гнусные, беспокойные воспоминания. Уже тогда я чувствовал, что внутри меня растет змий. Я не помню времени, когда бы не осознавал свою вину, свой грех — его не спрятать и под белейшими покровами. Он рождал во мне нечистые помыслы, он побуждал меня смеяться в церкви, он заставлял врать отцу, держа пальцы накрест, чтобы ложь «не считалась».

На стене каждой комнаты в нашем доме были стихи из Библии, вышитые моей мате-

рю. Я и сейчас помню их, особенно тот, из моей комнаты, что так отчетливо выделялся на белой стене против кровати: «Я ЕСМЬ СУЩИЙ». Шли годы моего отрочества, лето сменяло весну, а осень — лето. Я смотрел на эту строчку и в минуты покоя, и в минуты одиноких раздумий о своих пороках и иногда, во сне, взывал к жестокому, безразличному Богу. Но ответ всегда был один, он вышит вечными стежками в закоулках моей памяти: «Я ЕСМЬ СУЩИЙ».

Мой отец был божьим человеком, но пугал меня даже больше, чем сам Бог. Его пронзительные черные глаза могли заглянуть в тайные уголки моей преступной души. Он судил так же безжалостно и бесстрастно, как Господь, он был незапятнан человеческой добротой. Всю любовь, на которую он был способен, отец изливал на свою коллекцию механических игрушек. Он был, можно сказать, антикваром и целую комнату заполнил игрушками: от простеньких деревянных неваляшек до фантастически точной копии китайской шарманки с сотней прыгающих карликов внутри.

Мне, конечно, не позволялось играть с ними — слишком ценные вещицы для ребенка, — но танцующую Коломбину я запомнил. Она была из тонкого фарфора, ростом почти с трехлетнего ребенка. В одну из редких минут непринужденности отец поведал мне, что ее сделал слепой французский мастер в годы до-революционного упадка. Глядя ее по безупреч-

ной щеке, он рассказывал, как когда-то она принадлежала незаконнорожденному отпрыску одного испорченного короля, как потом начался террор, как покатились вперемешку головы безбожников и невинных и куклу позабыли среди пыльных портьер. Коломбину украла бедная женщина, которой невыносимо было думать, что ее сломают и изуродуют санкюлоты. Ребенок этой женщины умер от голода, и она уложила куклу в кроватку в своей убогой лачуге, качала ее и пела колыбельные, пока ее, безумную, истощенную и одинокую, не забрали в психиатрическую лечебницу умирать.

А Коломбина уцелела. В год, когда я родилась, она попала в парижский антикварный магазин. Отец зашел туда, возвращаясь из Лурда, и тут же купил ее, хотя шелковое платье истлело, а глаза провалились от небрежения и грубости. Увидев, как она танцует, он сразу понял, что Коломбина особенная. Едва в ее спине поворачивали ключ, она начинала двигаться, вначале неловко, но постепенно приобретая нечеловеческую грацию, она поднимала руки, сгибала колени, наклонялась, демонстрируя округлую гладкость фарфоровых лодыжек. Месяцы любовной реставрации вернули ей красоту, и она заняла место в коллекции отца, блистая в бело-голубом атласном платье между индийской музыкальной шкатулкой и персидским клоуном.

Мне никогда не разрешали ее заводить. Иногда, лежа ночью без сна, я слышал музыку из-за закрытой двери, тихую, нежную, почти чувственную... Образ отца в ночной рубашке, танцующего с Коломбиной в руках, почему-то не давал мне покоя. Я представлял, как он держит ее, гадал, осмеливается ли запустить руки под кружево ее юбок...

Мать я почти не видел. Ей часто нездоровилось, и она много времени проводила в своей спальне, куда мне не разрешалось заходить. Она была прекрасной и загадочной, с темными волосами и фиалковыми глазами. Помню, как однажды сунул голову в запретную комнату и увидел зеркало, украшения, шарфы, гору великолепных нарядов на постели. В воздухе витал аромат сирени — так пахла мама, когда наклонялась поцеловать меня на ночь, так пахло ее белье, в которое я зарывался лицом, когда горничная развешивала его на веревке.

Нянька говорила, что моя мать — писаная красавица. Мать вышла замуж против воли родителей и с тех пор не общалась с семьей. Может, поэтому она иногда смотрела на меня с каким-то настороженным презрением, может, поэтому ей никогда не хотелось приласкать меня или взять на руки. Как бы то ни было, я ее боготворил. Она всегда казалась такой недосыгаемой, такой изысканной и безупречной, что я не смел выразить обожание, раздавленный собственной ничтожностью. Никогда я не